

Античный ужас. Художник Л.С. Бакст. 1905

УДК 130.1/2:008

Сараф М.Я.

Системные противоречия культурного пространства, перспективы и опасности его трансформаций

Сараф Михаил Яковлевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет культуры и искусств

E-mail: ssaraf@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые, по мнению автора, существенные противоречия формирования и функционирования культурного пространства, проявляющие себя как в движении мировой культуры, так и в движении национальных и региональных культурных пространств. Эти противоречия, имеющие всеобщий характер, разворачиваются, однако, в уникальных обстоятельствах бытия каждой культуры и потому требуют всякий раз специального конкретно-исторического анализа как научной основы управления культурным процессом.

Ключевые слова: культурное пространство, национальное культурное пространство, воспроизводство культуры, опасность, угроза, защита целостности культурного пространства.

Исторический аспект проблемы

Законы формирования, развития и функционирования культурного пространства имеют вероятностный характер, следовательно, возможны как благоприятные, так и неблагоприятные перспективы его разворачивания. Последние можно рассматривать как опасность, как потенциальную угрозу развитию или даже существованию национальной культуры. Важно заметить, что опасность имманентна и инвариантна жизни вообще. Опасные обстоятельства играют важную стимулирующую и интегрирующую роль в жизни любого сообщества. Опасность выявляет и пограничные ситуации, что заставляет искать способы защиты, сохранения фундаментальных основ бытия сообщества, а также способы его перехода к новым состояниям. Следовательно, анализ любых феноменов общественного бытия сопряжен с вопросом о рисках их существования.

В самом общем плане опасность выступает как возможность возникновения таких обстоятельств, при которых будут затруднены или совсем прекращены воспроизводственные процессы. Такие обстоятельства могут складываться на самых разных социокультурных уровнях: и на уровне целостности сообщества и его культурного пространства, и на уровнях их структурной организации, например, в отношении пространств культуры коммуникативных, ценностных, знаковых и др.

Опасность для существования целостного сообщества выражается в форме стагнационных, дисфункциональных и деструктивных явлений и процессов в зависимости от их масштаба и меры их осознанности. Опасность разрушения социальных связей всегда проявляет себя в процессах отчуждения, которые могут быть незамечаемы даже в том случае, если имеют массовый характер. Опасность разрушения ценностных измерений проявляется девальвацией ценностей, а в семиотическом плане это сопровождается мифологизацией опасности, то есть распространением и усилением влияния превращенных форм понимания ее источников. Как угроза психическому состоянию социальной целостности и составляющих его субъектов опасность выражается стрессовыми, подавленными, склонными к фобиям общественными настроениями.

Как было замечено, опасность имеет и положительную функцию для жизнедеятельности. Она обнаруживает и актуализирует пограничные ситуации, тем самым побуждая сообщество к консолидации и поиску средств выхода за пределы границ к новым формам и способам своего бытия. Следовательно, опасность выступает как необходимый элемент саморегуляции общества, и что особенно любопытно, общество постоянно провоцирует опасность как механизм контроля собственного состояния. А в культуре такие провокации имеют самостоятельную ценность, выступая в качестве стимула инноваций, способа поднятия жизненного тонуса, источника гедонистических и эстетических переживаний. Вспомнить хотя бы пушкинское: «есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...». Но грань, отделяющая опасность как контролируемое средство социального и культурного управления и как регулятора от опасности как разрушающей стихии, весьма тонка. Таким образом, проблема безопасности состоит не в том, чтобы исключить опасность, а в том, чтобы контролировать ее потенциал и направленность.

Исторически процесс развития культуры складывался так, что она вместе со способами своего воспроизводства, вырабатывала также методы, средства собственной защиты. Они были достаточны, пока воспроизводство культуры обеспечивалось собственными возможностями этнонационального или национального сообщества в условиях среды обитания, поддающейся контролю со стороны этого сообщества. Для сохранения и защиты культуры необходимы были, по крайней мере, два фактора: достаточный количественный объем сообщества и достаточный его экономический и военный потенциал. В противном случае культурное пространство подвергалось опасности быть уничтоженным: то ли как физическое уничтожение (скажем, при завоевании) воспроизводящего сообщества, то ли как его полная ассимиляция. Примеров такого уничтожения в истории можно найти немало.

Культурное пространство может «схлопнуться» и вследствие исчерпания воспроизводственных сил общества, но это происходит по причине разрушительного действия непреодолимых стихий и существования в условиях высокой степени изоляции. История знала и такие случаи, но это, скорее, касается донациональных культур. В современных условиях при возникновении катастрофических угроз существованию той или иной нации, спасительную роль способно выполнить мировое сообщество.

Однако с резкой интенсификацией экспансионистских процессов, вызванных как раз формированием современных наций, сложившиеся защитные механизмы культур оказались недостаточными. Осознание этого обстоятельства на рубеже XIX–XX веков проявилось в известных концепциях философской критики культуры, в пессимизме относительно ее будущего, в противопоставлении культурных процессов цивилизационным. В известных концепциях О. Шпенглера и А. Тойнби гибель культуры обосновывалась именно разрушением ее самозащитных механизмов, причем не только в культурах, подвергаемых внешней экспансии, но и в культурах, ее осуществляющих.

С одной стороны, пространства многих еще неокрепших национальных культур подверглось мощной колониальной экспансии и насильственному ограничению и даже подавлению. В этом процессе значительную идеологическую роль сыграл европоцентризм. С другой – само культурное пространство наиболее развитых наций, и так никогда не бывшее гомогенным и изотропным, стало просто разрываться вследствие значительного ослабления гуманистической направляющей и обострения социальных противоречий, противоречий между обществом и государством, между обществом и индивидом. В этих условиях неизбежно возникает кризис культуры, означающий определенную затрудненность процессов ее воспроизводства в сложившихся формах и сложившимися способами.

Каждая историческая эпоха имела свое видение проблемы культурного пространства и свою трактовку категории «культурное пространство», которое определялось типом мировоззрения, пониманием человека, уровнем образования. Вся первая половина прошлого века, с его революциями и войнами характерна быстрым развитием национального самосознания, обусловленным борьбой за независимость, образованием громадного количества новых государств, установлением новых границ и преобразованием национальных культурных пространств. В одних случаях культурное пространство обретающих суверенность наций оставалось в значительной мере как бы под протекторатом прошлых состояний и сохраняло основные структурные и содержательные параметры, в других – происходили масштабные культурные революции, в значительной мере или полностью менявшие пространственную топику. Естественно, что нужны были новые конструктивные решения, то есть новые директивные идеи, новые формы и способы организации культурного пространства. Здесь открывались альтернативные направления: одно как сотрудничество и интеграция национальных культур, другое – как ориентация на национальную исключительность и утверждение ее превосходства над всеми остальными культурами. Весь прошлый век представляет единую панораму успехов и неудач этих направлений. Тем не менее, оба они представляют и нынешнюю реальность. Причем, пожалуй, националистически ориентированное направление даже получает некоторое преобладание, в связи с чем наблюдается значительное возрастание роли религиозных компонентов культуры, провозглашение фундаментальности их культурной значимости и выдвигание их в качестве авангардных в динамике культурного пространства. Вряд ли девятнадцатый век, вдохновляемый свободомыслием и наукоцентризмом Просвещения и открывший перспективу культурного развития современности, мог предполагать такое изменение доминант. Вряд ли век двадцатый, не сомневающийся в истинности классового подхода к пониманию социокультурных процессов, предвидел такое изменение доминантных противоречий.

Но, так или иначе, складывающиеся процессы национального развития поставили в области культуры не только наступательные, но и оборонительные задачи. В одном случае они выражались как задачи построения нового культурного пространства с совершенно новым содержанием и новой структурой, для чего требовались ревизия и демонтаж прежнего и масштабная расчистка места. Естественно, что при этом было не избежать ак-

тивного противодействия и острейшей борьбы в области культуры.

В других случаях задачи также состояли в ревизии и демонтаже тех частей культуры, которые, по мнению национального руководства, сложились как чуждые, как удушающие «почвенную» культуру. Я здесь намеренно ограничиваюсь формулировкой самых общих тезисов, поскольку достаточно ясно, что эти процессы имеют общее содержание, где и когда бы они ни происходили и кто бы ни выступал их героями. Одним из самых экстремистских проявлений подобного рода, получившим в последние десятилетия пугающую частоту и масштабность, стали этнические чистки.

Возникла потребность в специальной целенаправленной деятельности по защите культуры, что означало обеспечение и защиту воспроизводственных возможностей нации и того пространства, названного нами национальным культурным пространством, в котором и только в котором это воспроизводство возможно.

Значительную часть этой работы выполняли и выполняют различного рода общественные организации, институты гражданского общества, но все большую ее часть, в силу известных обстоятельств, вынуждены брать на себя официальные организации и, прежде всего, государство. В зависимости от того, насколько государство действительно осознает национальные интересы и способно их проводить, будет зависеть и характер деятельности по защите культурного пространства.

Из приведенных выше случаев достаточно ясно следует, что в своих превращенных формах национальное сознание может действовать против самого себя, может быть самым деструктивным фактором национального культурного пространства. Тут нельзя не вспомнить слова классика, что культура, развиваясь стихийно, оставляет после себя пустыню. Если по отношению к природе – это пустыня географического пространства, то по отношению к самой культуре – это пустыня пространства духовного. Так что вопрос о защите культуры и о том, кто именно и как именно ее защищает всегда нужно ставить в плане определения общенационального интереса в соотношении его с интересами наднационального порядка.

И здесь открываются два фронта. Один – как защита культурного пространства от внешней экспансии, другой – как защита от националистского шовинистического самообмана и саморазрушения. Борьба на этих фронтах представляет сложные переплетения задач и методов, постоянно изменяющих и свое содержание, и свою конфигурацию, и приоритеты.

От экспансионистского воздействия иных культур нация себя оградить не может, а если и пытается это делать, то чаще всего сама же и проигрывает. Исключительно трудно бывает установить, какое из экспансионистских направлений требует наибольшего внимания и, если не противодействия, то определенного ограничения. Даже как будто безобидные и неизбежные влияния, которые оказывают иные стандарты потребления, мыслительных и поведенческих стереотипов, вкусов и стилей в определенных условиях, могут иметь кумулятивный потенциал.

Точно также националистская риторика может постепенно и методично формировать образы и образцы опасной ксенофобии, нетерпимости, бесосновательного, но активного и агрессивного сознания собственной исключительности и превосходства. И если с этими явлениями относительно легко бороться в их простейших антиобщественных проявлениях, то куда как сложнее распознавать подобные содержание и интенции в выступлениях и действиях государственных служащих, политиков, научно-гуманитарной и художественной интеллигенции. Здесь даже можно говорить об определенном парадоксе: именно интеллигенция является важнейшей субъектной составляющей национальной культуры, но именно интеллигенция чаще всего и становится застрельщиком разрушительных процессов в пространстве национальной культуры.

Распад единого культурного советского пространства (и не только советского) начался с интеллигентских дискуссий о языке и двуязычии, о литературе и ее содержательных критериях, с дискуссий об исторических приоритетах в культуре и т.п. Сами по себе ни эти дискуссии, ни их тематика не несли и не несут в себе никакой опасности и выражают естественный и нормальный исследовательский, творческий интерес к важным сторонам культурного процесса. Однако в определенных кризисных и политически подогретых ситуациях, а именно в условиях, когда кланово-сепаратистские интересы еще не решаются открыто себя заявить и не могут рассчитывать хоть на какую-либо существенную социальную поддержку, но уже объективно сформировались и ищут своего как бы пристойного идеального, идеологического прикрытия, некоторые участники таких дискуссий легко и незаметно, и даже вовсе не желая того, становятся проводниками указанных интересов. Известно ведь, чтобы быть выразителем интересов мелких лавочников, совсем не обязательно самому быть мелким лавочником, и можно даже быть их противником и ненавистником.

Невероятная трудность состоит в том, что такие представители интеллигенции никак не связывают свою деятельность с разрушением национального культурного пространства, скорее, наоборот, они уверены в том, что его созидают, и критика в их адрес воспринимается как реакция и ограничение свободы творчества. А если критика сопрягается еще с какими-либо общественными или правовыми санкциями, то появляются новомученики, которые традиционно соотносились с правдоискательством и правдозаступничеством, и вследствие этого в пространстве национальной культуры возникают возмущения, которые способны изменить его топологию в целом. Конечно, нет особого труда в понимании направления подобных процессов, как нет особого труда и в выборе методов защиты культуры, если перед нами достаточно легко узнаваемая компрадорская интеллигенция. Но это и довольно редкий случай.

Давным-давно умудренные трудным и горьким опытом римляне поняли, что дорога в ад вымощена благими намерениями. И какой ущерб понесли национальные культуры, и сколько страданий выпало согражданам, когда первыми лицами государств и, так сказать, носителями и выразителями национальной идеи становились рафинированные интеллигенты-гуманитарии, до того вполне уважаемые и значительные в своей творческой профессиональной области. Иной диктатор, возросший в армейской среде, выглядел по сравнению с ними просто гуманистом. Можно назвать такие имена в истории стран Европы, Востока, Африки. Можно назвать такие имена и в истории нашего Отечества, его советского и постсоветского периодов.

Задача тем более осложняется, что еще сильна инерция ментальности эпох национально-освободительных движений второй половины XIX – середины XX веков, когда шли бурные и очень противоречивые процессы формирования национального сознания значительных, до тех пор не участвовавших в этих процессах социальных континентов зави-

симых и колониальных стран, процессы формирования новых метрик национальных культурных пространств, их новых пограничных коллизий и наивно-романтических ожиданий несомненных расцветов культуры. Нельзя, однако, сказать, что такие надежды были уж совсем безосновательны и бесплодны. Во многих странах, ставших на путь национальной независимости, совершились глубокие культурные преобразования, если не сказать революции. Прежде всего это относится к значительным реформам в области образования, к привлечению к национальному строительству широких слоев населения, к расширению сферы трудовой деятельности, существенному росту доли квалифицированного труда в ее структуре. Но вместе с тем возникли и новые значительные проблемы социокультурного плана.

Многие культурные новообразования не имели достаточно прочных оснований ни в предшествующих формах культуры (этнической, по преимуществу), ни в социально-структурной организации общества, где исторически сложившиеся формы социального бытия размывались и разрушались процессами урбанизации, резких изменений системы хозяйствования, миграциями, а еще войнами и внутринациональными усобицами. Это особенно характерно для африканских стран, где формирование наций идет в острейших противоречиях с племенной организацией общества и тяжело осложняется трайбализмом. Разумеется, острота этих процессов в разных странах была весьма различной: в иных слабой, в других весьма конфликтной. Но нигде не было, да и не могло быть, продуманного, или сколько-нибудь комплексного механизма защиты образующегося национального пространства культуры. Вернее, такая защита как бы возникала в качестве побочного эффекта процесса национального строительства, но она в таком своем качестве оказывается, в конечном итоге, слабой и мало эффективной. Национальное культурное пространство получает как бы фрагментарный и мерцающий характер. Оно еще не обладает качеством целостности, весьма неустойчиво и угрозой для него являются не только внешние экспансии, но и собственные флуктуации.

Подобными флуктуациями, на мой взгляд, являются, например, те не очень понятные в своем причинном содержании поворотные механизмы культуры, которые А. Тойнби называл Вызовом и Ответом, а Л.Н. Гумилев определял как взлет и падение пассионарности. Не очень понятные – не значит таинственные, но все же колебания национального духа, проявляющиеся в исторической творческой активности, пока не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному анализу и прогнозированию. Задача осложняется тем, что далеко не всегда различим субъект культурных флуктуаций.

Если верно утверждение некоторых культурологов, что культура творится на своих границах, то, скорее всего, таким субъектом должна по преимуществу выступать некая маргинальность. Это деятельность на границе культурного пространства, которая, с одной стороны, создает новое пространство с новой метрикой, с другой – возмущает сложившееся культурное пространство, тоже изменяя в большей или меньшей степени его метрику. Так часто и бывает, творцами эпохальных культурных инноваций становятся те, кто «обогнал свое время», «забежал вперед», среда богемы, андерграунда, отверженности и т.п. Но ведь существуют и официальные институализированные центры духовного производства, которыми держится метрика сложившегося культурного пространства и задается его векторность. Отношения между этими полюсами весьма напряженные, вплоть до взаимоисключения, и вопрос о том, что, как, какими средствами и в какой мере поддерживать, обеспечивать, защищать, а чему противодействовать, не решается никаким вычислением, но только культурной интуицией.

Таким образом, проблемы защиты национального культурного пространства возникают вместе с формированием национальных государств и национального самосознания населения, но в качестве самостоятельной задачи осознаются далеко не сразу и далеко не в должной мере адекватности. Они решались в процессах исторической стихийности, и в силу этого – со значительными издержками для многих национальных культур. Точнее сказать, для всех.

Конец XX века поставил решение задач защиты культурного пространства в ранг приоритетных национальных интересов. Но это означает, что стихийность, как механизм решения социокультурных проблем, должна, если не быть полностью вытесненной, то быть значительно ограниченной и уступить место целенаправленному и, главное, управляемому руководству этими процессами. Значит, необходимо и программное обеспечение этого руководства, дающее представление об основных этапах, основных целях и об основных инструментах культурной политики. Появляется настоятельная потребность в научном знании о структуре и динамике национальной культуры, в проектировании развития национального культурного пространства, появляется потребность в специальных институтах, защищающих национальные интересы в области культуры.

Глобализационные, геополитические и региональные процессы и угрозы национальной культуре

Общий системный кризис современной культуры состоит в затрудненности процесса ее собственного воспроизводства, а зачастую даже и в невозможности такового. Если не изменить способа отношения к природе, то неизбежно исчерпание вещества, из которого состоит материальный субстрат культуры. Разрушение природной среды равносильно разрушению культуры в прямом физическом и биологическом отношении. Менее заметно, но не менее пагубно, наступающее вследствие этого разрушение нравственной сферы, поскольку сыновнее отношение человека к природе столь же делает его человеком, как и отношение к родителям. Нарастающее отчуждение от природы – одно из тяжелейших проявлений отчуждения от культуры и самоотчужденности человека.

Исторически сложившийся способ деятельности и сформировавшиеся на его основе способы общности¹ в современной культуре еще имеют значительные возможности, но все меньше и меньше обеспечивают единство культурного пространства, образуя в одном измерении все более жесткие иерархические структуры с доминирующей функциональной связью, направленной сверху вниз, и плохо взаимодействующие между собой; в другом измерении создают некоторое диффузное пространство, в котором становятся неразличимыми или очень плохо различимыми доминантные ценности, объективно необходимые для сохранения и воспроизводства континуума культуры.

Способ мышления и способ понимания приобретают весьма противоречивый характер, будучи в одном отношении и достаточно мощными и достаточно тонкими, чтобы проникать в самые глубокие тайны материи и духа; в другом же отношении, будучи весьма ограничены профессионализмом, узкой направленностью интересов и деятельности, приобретают признаки фрагментарности, механистичности и субъективности. Это каса-

¹ См. Сараф М.Я. Опыт типологии культуры. Голицыно, 2003.

ется не только сферы специализированного сознания, но и сферы сознания массового. Так проявляет себя заурядность или даже невозможность духовного воспроизводства.

Ключевым понятием, выражающим наиболее существенные изменения в современном (конец XX – начало XXI вв.) мировом пространстве стало понятие глобализации. Ее суть заключается в нарастании взаимозависимости в мире, что проявляется в формировании мировой экономики, резкого повышения роли и влияния транснациональных корпораций, проведении глобальной политики. Но самое существенное для нашего предмета рассмотрения состоит в формировании единого мирового информационного пространства, служащего предпосылкой и основой становления общемировой единой системы культуры.

Один из основоположников теории глобализации Р. Робертсон определил ее как серию эмпирически фиксируемых изменений, разнородных, но объединенных логикой превращения мира в единое целое. При этом он выделяет два аспекта этих процессов – глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности¹. Однако, по мысли Робертсона, глобализация не ведет к формированию некоей универсальной культуры, хотя, производя и распространяя мировые образцы потребления, отношений и поведений, создает предпосылки и формы глобальных институционализаций жизненного мира самых разных людей посредством того, что организует стереотипные формы локальных взаимодействий и социализаций непосредственно макроструктурами мирового порядка, минуя национально-государственный и этнонациональный уровни. Основными инструментами такого воздействия являются деньги, кинематограф, телевидение, музыка и американизированные моральные требования. Другими словами, то, что порой называют глобальной культурой, есть всемирное расширение особенных конфигураций локальных элементов западного (евро-американского) понимания жизненных смыслов и ценностей.

Кризисное развитие цивилизаций в XX веке показало, что указанные противоречия проявляют себя в разных условиях в разных формах и с разной степенью остроты, но можно отметить довольно устойчивую тенденцию «микширования» высокой и бытовой культуры с явно разрушительными последствиями для первой. На уровне непосредственной жизнедеятельности людей это выражается в этической, эстетической и, следовательно, в интеллектуальной сниженности социально-коммуникативной сферы. На уровне специализированной культурной деятельности это выражается или в обретении ею характера элитарности, или в превращении ее в отрасль индустрии потребления. Это обстоятельство представляет особую и значительную опасность, поскольку превращает пространство культуры в пространство рынка. Поэтому государство, если оно действительно проводит национальный интерес, не может игнорировать эту опасность, нейтрализация которой, в случае ее особой масштабности и остроты угрозы, требует некоторых достаточно решительных и жестких мер в плане обеспечения национальной безопасности.

Процессы глобализации не снимают, а усиливают расколы и противоречия культуры. Чем больше они делают ее пространство однородным, тем более плоским оно становится, поскольку образуется лишь двумя координатами – утилитарностью и гедонизмом. Но чем больше усиливается и распространяется нивелирование, тем более оно вызывает сопротивление со стороны этнонациональных и этнорегиональных, еще сохраняющих свою самобытность, культур, хотя это противодействие, в свою очередь, зачастую получает в культурном отношении совершенно деструктивное содержание и выражение. Я имею в виду различного рода ретроградные тенденции, столь распространенные сегодня (почвенничество, национализм, религиозный фундаментализм, изоляционизм и проч.), и также достаточно громко заявляющие о себе тенденции обновленческие, то ли в виде новой, конечно же, «единственно истинной» религии, то ли в виде, как сказал бы Тойнби, «универсального» мирового государства. Р. Робертсон называет этот процесс локализацией глобальности.

В Европе с шестидесятих годов прошлого века начинает активно обсуждаться идея единого культурного пространства, но в это же время появляются исследования, показывающие несовпадение границ культурных регионов и национальных государств. При этом под регионом понималось территориально-культурное объединение двух и более стран в зависимости от их общей истории и сходства системы высших ценностей. Соответственно региональной культурой можно считать те формы самоорганизации и саморазвития населения, живущего на определенной территории, где устойчивость порядка жизнедеятельности определяется спецификой ее пространственно-временных характеристик и возникающего на этой основе уникального способа бытия². На политическую карту как бы накладывается карта культурных регионов, и намечаются основные линии и тенденции их взаимодействия. С одной стороны, эта позиция действительно позволяет установить основные линии и принципы культурного взаимодействия и повысить уровень культурного сотрудничества. Но она несет в себе и серьезную опасность, ибо идея культурного региона начинает довольно активно использоваться определенными силами как инструмент взлома сложившихся политических и административных границ для утверждения своего влияния и даже господства. Таким образом, возникает новая альтернатива, грозящая возможными противоречиями и разломами: противодействие культурных суперобщностей и регионально-культурного сепаратизма.

Процессы регионализации, выступающие как бы обратной стороной глобализации, хотя являются ее органической составляющей, в настоящее время происходят на нескольких уровнях. Первый из них – макроуровень, где выражается стремление локальных цивилизаций оградить себя от экспансии извне, что ведет к столкновению цивилизаций. На этом же уровне проявляется тенденция стран, возглавляющих процесс глобализации, самим образовать отделенный от остального мира регион. На втором уровне, который может быть назван мезоуровнем, происходит надгосударственная регионализация, выражающаяся в стремлении к интеграции некоторых территорий, входящих в состав разных государственных образований. Третий уровень (микроуровень) характеризуется тем, что здесь регионализация происходит внутри национальных государств, имея более или менее выраженный политический характер и стремления к этнонациональной автаркии³.

¹ Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы глобализации. Предварительные размышления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. РЖ РАН. 2007. № 1.

² См.: Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Философско-культурологический анализ. Дисс. ... д. филос. наук. Волгоград, 2003. С. 277.

³ См.: Скульмовская Л.Г. Глобализация и локализация в диалектике общего и особенного в функционировании и развитии региона // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007.

Соответственно проявляют себя и новые напряженности и противоречия в культурном пространстве. Так, на макроуровне, или в общемировом культурном пространстве, глобализация способствует активному выходу ранее закрытых регионов и формирует новые многослойные перекрывающиеся культурные взаимодействия. На мезоуровне, в границах национальных культурных пространств, развертывается борьба между тенденциями вытеснения регионализма на периферию общественной жизни и стремлением регионов занять, если не центральное, то одно из доминантных мест в культурном пространстве. Та или иная тенденция преобладает в зависимости от характера социально-политических процессов, идущих в стране и существенных изменений в геополитических ситуациях. На микроуровне серьезные противоречия возникают в связи с разрывами между достаточно выраженными модернизационными центрами, которые могут быть представлены быстро развивающимися и растущими городами, или экономическими зонами и другими частями локального пространства, оказавшегося по отношению к ним периферийным.

Процессы глобализации кажутся доминирующими и действительно являются таковыми, насколько это касается повышения материального уровня жизни, технологий материального производства и потребления. Естественно, это сильно влияет на культуру как систему духовного производства, поскольку их унифицированные стандарты, производимые преимущественно в политически и экономически доминирующих странах, распространяются в планетарном масштабе. Но именно эти процессы вызывают усиливающиеся противодействия унификации, и они могут обретать различные формы проявления. Наиболее заметными в этом отношении являются общественные движения антиглобализма и альтерглобализма. Если первое выступает как протестное движение против навязывания всему миру интересов доминирующих наций и транснациональных корпораций, то второе стремится к тому, чтобы неизбежные глобализационные процессы осуществлялись в общечеловеческих интересах и по иным, чем ныне употребляемым, технологиям. Таким образом, противоречия глобализации и сопутствующей ей регионализации не могут быть оценены однозначно отрицательно или однозначно положительно, все зависит от конкретного содержания социально-исторического процесса.

В условиях, когда официальные структуры коллективного бытия (государство, церковь, наука и т.д.) в значительной степени утратили свой моральный авторитет, утратили роль бесспорного духовного лидера и не в состоянии предложить идеи, могущие выразить направление действительного прогресса, возникает серьезная опасность инволюции культуры. Поскольку понятие нации у нас выражает, прежде всего, государственно-гражданское состояние общества, нетрудно заметить, что роль государства как нациеобразующего фактора и, следовательно, гаранта стабильности и развития национального культурного пространства заметно ослабляется. Национальные государства существенно потесняются транснациональными и сетевыми структурами, выражающими и эффективно проводящими частные интересы, масштаб которых имеет глобальный характер. Или, другими словами, глобальные частные интересы имеют сильную тенденцию к вытеснению интересов национальных, что ставит под вопрос существование национального культурного пространства как такового.

Но и оптимистические перспективы возможных изменений тоже вполне различимы. Я полагаю, что одним из самых важных факторов, указывающих положительную направленность развития современной культуры, являются новые технологии хранения и распространения информации, которые создали единое общемировое пространство культуры, или, по крайней мере, прочные основы такового, что уже производит революционные изменения в способе образования и в его системной организации.

В этом пространстве начинает складываться и функционировать общий язык. Язык информационных систем развивается очень интенсивно и усваивается и как функциональный оперативный язык, и как язык общения. Это, с одной стороны, совершенно необходимое условие единства культуры, с другой – порождает чрезвычайные трудности герменевтического порядка при взаимодействии с наличествующими языками. Информационные технологии и коммуникации открывают эпоху нового типа грамотности, и как следствие, нового типа образования, а значит и новых способов мышления и понимания, что по определению ведет к существенным изменениям пространственной структуры культуры. Возникают совершенно новые пласты смыслов и значений и, вместе с этим, происходит глобальная перестройка в соотношениях уже сложившихся элементов.

Но чем сложнее техническое оснащение, тем уязвимее становятся базирующиеся на нем структуры. В незапамятной древности практически каждый индивид нес в себе всю программу системного воспроизводства культуры и, при нужде, как Ной, мог воплотить в непосредственной жизнедеятельности. Пожар в Александрийской библиотеке невосвратимо уничтожил значительную часть того культурного континуума, который мы зовем античностью. Причем уничтожил не только для нас, последующих поколений, а именно для самой античной культуры, резко снизил возможности ее самовоспроизводства. Сбой в мировых информационных сетях или их существенное повреждение сможет нанести куда больший урон воспроизводительным потенциям современной культуры и цивилизации. Впрочем, подобные сюжеты моделированы уже в многочисленных антиутопиях.

Производственные технологии, выработанные современной цивилизацией («зеленые революции», безотходное производство, биоэкологические и проч.), освободившие или обещающие освободить человека от необходимости рутинного труда и представившие широкие возможности деятельности по интересу, то есть в значительной мере деятельности неутилитарной, как раз и дали основание некоторым социальным философам говорить о наступлении эпохи неогуманистической культуры. По их мнению, она представляет собой переход от антропоцентристского содержания, сформировавшегося в раннебуржуазную эпоху, к экосистемному, утверждающему, что центром внимания и целью деятельности должна стать экосистема как источник и условие выживания человека. Такое понимание культурного процесса получило название неогуманизма, адепты которого полагают, что основу системы неогуманистической культуры составляют ценности, прежде всего, духовно-интенционального плана, такие как устремленность к духовной, творческой деятельности, образованию, активной общественной деятельности, и все так называемые постматериальные ценности, вроде свободы личности, возможности самовыражения и т.п. Главными основополагающими принципами такой культуры провозглашаются, во-первых, биоцентризм и экосообразность, во-вторых, принцип общего участия, или коммунитарный индивидуализм, в-третьих, принцип социальной взаимозависимости и социальной толерантности.

Критика концепций биоцентризма и неогуманизма представляет самостоятельную тему, но некоторые подчерки-

ваемые ими тенденции в динамике современного типа (или типов) культуры действительно можно заметить. Однако они используются для интерпретаций перспектив социокультурных процессов, скорее, с точки зрения относительно благополучной части ныне живущего человечества, желающей относительно спокойно, без революций и катастроф, как бы перетечь в новое культурное пространство. Боюсь, что такого плавного, необременительного и даже в какой-то мере комфортного перехода не получится, поскольку те формы коллективного и индивидуального бытия, в которых возникла настоятельная потребность такого перехода, его осуществить не могут. Для этого нужны другие структуры и формы, а нынешние, при всей их функциональности и привычности, необходимо подлежат слому или, скажем мягче, демонтажу. «Ломать» – слово жестокое и выражает негативный стереотип, которым, как жупелом, пугает публику либералистская идеология, сразу вспоминая слова известного гимна. Тем не менее, подчеркнем еще раз, что на каких бы священных текстах не клялись в любви к человечеству и в решимости построить новое общество разума и красоты, действующие ныне официальные структуры, они для этого непригодны инструментально.

А вот каковы линии действительных разломов, которыми определяются ориентиры культуры нового типа, и какие инструменты (организации, способы) пригодны для этой работы, вероятно, покажет ближайшее будущее. Но оно весьма дистанцировано и от благополучных «общечеловеческих ценностей» и неизвестно откуда возникающей в либералистских программах «социальной толерантности», и от мирового сценария движения к демократическому гражданскому социальному мироустройству.

До тех пор, пока в недрах современной культуры не сформируется и не будет предложен общественный идеал, способный выполнять роль указателя движения и имеющих своего пассионарного носителя, то есть определенную социальную общность, интерес которой объективно совпадает с этим идеалом и, следовательно, на данном этапе совпадает с интересом человечества и наиболее четко выражает его, нельзя с научной обоснованностью и точностью говорить о характере и содержании нового типа культуры.

В начале XXI века ни одна из больших социальных общностей не выдвинула каких-либо идей, открывающих будущее. Управляющие элиты заинтересованы преимущественно в перераспределении имеющихся ресурсов, и их вполне устраивает культурный статус-кво, в котором они имеют громадные преимущества в потреблении культуры. Так называемый средний класс, на который сегодня уповают как на важнейший стабилизирующий фактор, не представляет собой функциональной социальной общности и в направлении своих интересов мало чем отличается от элит, хотя именно из среднего класса обычно выходят культурные инновации, в том числе и имеющие миропреобразующее содержание. Громадная сфера наемного труда социально разделена и разобщена настолько, что интересы даже относительно близких групп осознаются чрезвычайно трудно, тем более трудно их согласовать и скоординировать действия. К тому же значительные социальные контингенты этой сферы не являются субъектами культуротворчества, будучи ориентированными на массовое, в высокой мере стандартизированное потребление культуры. Те же группы, которые проявляют наибольшую активность в социокультурных процессах, ведут скорее разрушительную работу, зачастую имеющую даже контркультурный характер. Я имею в виду индустрию развлечений, шоу-бизнес, коммерциализацию искусства и спорта, агрессивные и прилипчивые телепрограммы, массовое распространение шарлатанства и т.п.

Разумеется, я далек от их огульной негативной оценки. Даже шарлатанство имеет определенный культурный смысл и занимает свое место в культурном пространстве, и никогда нельзя сказать наверняка, чем скажется тот или иной факт духовно-интеллектуального содержания на дальнейших судьбах культуры. Но из этого вовсе не следует безбрежная и безответственная терпимость. Напротив, может быть именно сопротивление разрушительным тенденциям является механизмом, вырабатывающим необходимым иммунитет для сохранения духовного здоровья нации. Другое дело, что вопрос о формах и способах сопротивления представляет особую сложность, ибо тут сразу встают вопросы о правах, свободах, творчестве, личности и ее суверенности и проч., и проч. Если иметь в виду, что все это замешано на политических и рыночных конъюнктурных интересах, то понятно, что дискуссиям не будет конца. Но если проводится внятная национальная культурная политика, то оптимальные решения всегда находятся.

Я полагаю, самым надежным ориентиром в головоломно сложных и остро противоречивых сложившихся и ломающихся, в еще не сложившихся и уже ломающихся структурах современного глобального и национального культурного пространства будет гуманистический общественный идеал. Но здесь я вынужден повториться. Гуманистический идеал, предложенный Просвещением, сыграл свою важную историческую роль в прогрессе цивилизации и культуры, хоть и оказался утопическим. Гуманистический идеал, сформированный на базе социалистических и коммунистических идей, сильно дискредитировал себя социально-политической практикой двадцатого века, и в ближайшее время вряд ли будет переживать возрождение. А так называемое постиндустриальное общество, или, в другой интерпретации общество массового потребления, не предложило ничего кроме утилитарности и гедонизма. Место общественного идеала в пространстве современной культуры пока пусто, точнее, занято его искусственными заместителями, и потому так неожиданны флуктуации этого пространства, ведь любая его точка может произвольно исполнять роль вектора.

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Философско-культурологический анализ. Дисс. ... д. филос. н. Волгоград, 2003.
Barkova E.V. (2003). Prostranstveno-vremennoi kontinuum kul'tury. Filosofsko-kulturologicheskii analiz. Diss. ... d. filosa. n. Volgograd.
- 2 Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы глобализации. Предварительные размышления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. РЖ РАН. 2007. № 1.
Robertson R., Khondker Kh. (2007). Diskursy globalizatsii. Predvaritel'nye razmyshleniya. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya. RZh RAN. N 1.
- 3 Сараф М.Я. Опыт типологии культуры. Голицыно, 2003.
Saraf M.Ya. (2003). Opyt tipologii kul'tury. Golitsyno.
- 4 Скульмовская Л.Г. Глобализация и локализация в диалектике общего и особенного в функционировании и развитии региона // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007.
Skul'movskaya L.G. (2007). Globalizatsiya i lokalizatsiya v dialektike obshchego i osobennogo v funktsionirovani i razviti i regiona. In: Natsional'naya identichnost' Rossii i demograficheskii krizis. Nauchnyi ekspert, Moskva.